

Вожаки бунтовщиков с трепетом ждали переговоров с Сяо Чжигэ, но никак не ожидали, что тот с громоподобной непреклонностью казнит Ши Кайжэня, после чего сразу приступит к обмеру и переделу земель, раздавая их простому народу. Поначалу заправилы еще могли сдерживать своих людей, но Сяо Чжигэ отправил на улицы города двух бывших вождей мятежа в Сышуге. Когда те выступили с речами, а не участвовавшие в восстании горожане стали ходить к управе, чтобы зарегистрироваться и получить свои участки, удержать охваченную волнением толпу стало невозможно. Первыми тайком сбежали старики, женщины и дети, не успевшие пролить чужую кровь. Они зарегистрировались в управе, получили наделы, а некоторые семьи даже вернули дочерей, похищенных семьей Ши. Сведения об этом стремительно разнеслись повсюду, и даже те из бунтовщиков, кто рвался в бой и успел заслужить «ратные заслуги», засомневались. В самом деле, если есть возможность жить в мире и покое, какой простой человек захочет поднимать мятеж?

Пока люди колебались, Сяо Чжигэ объявил новую весть: всем сдавшимся мятежникам прощаются прежние преступления. Достаточно выполнить поручения властей, чтобы искупить вину трудом и так же получить землю. А тех, у кого есть способности, и вовсе не заставят отрабатывать повинность — если они добровольно вступят в армию на службу государству, их тоже освободят от наказания и наделят наделом.

Среди мятежников поднялся невероятный шум. Сяо Чжигэ даже не пришлось вести войска — внутри толпы вспыхнула жестокая усобица. Разумеется, победу одержало большинство. Несколько амбициозных вожakov, мечтавших о славе древних бунтовщиков, тут же перебили. Остальные мятежники добровольно сдались властям и выстроились в длинные очереди, чтобы пройти регистрацию и получить наделы.

Мятеж в Цинчжоу утих без единого выстрела и кровопролития со стороны войск. Зато местным богачам и землевладельцам Сяо Чжигэ безжалостно спустил шкуру: виновных осудил, с кого положено — взыскал серебро, а земли забрал под наделную раздачу. Хоть сердца у местной знати обливались кровью, но при мысли о сгинувшей до последнего человека семье Ши им оставалось лишь проглотить обиду и смирить свою гордыню.

Бывшие мятежники, желая поскорее искупить вину и получить землю, работали на удивление усердно. Они не только в кратчайшие сроки восстановили разрушенные взрывами городские стены и ворота, но и взялись за строительство дамб и плотин под руководством Се Лина.

Уладив все дела в Цинчжоу, Сяо Чжигэ наконец написал длинное письмо домой и отправил его в Яньчжоу.

Вместе с письмом прибыл огромный обоз с золотом, серебром, сокровищами и диковинными вещами. Огромные богатства, конфискованные у знатных семей, лишь в небольшой части поступили в казну Цинчжоу на помощь пострадавшим и обустройство беженцев. Вся же остальная, большая часть, тихо и незаметно была переправлена в Яньчжоу.

Почерк Бэйчжань-вана отличался безудержной размахистостью. В письме он писал: «Диковины оставь Но-но для забавы, золотом и серебром распоряжайся сам. Как только я смету врагов в южных провинциях, сразу же вернусь. На юге изобилие и тепло, а поместье семьи Ши роскошно и величественно. Когда ты родишь, мы обязательно приедем сюда отдохнуть».

Ань Чанцин улыбнулся и взялся за кисть, чтобы написать ответ.

Закончив с Цинчжоу, Сяо Чжигэ неизбежно отправится в Юнчжоу. Военачальник Цинчжоу

был мертв, и в городе не оставалось старшего. В письме Сяо Чжигэ упоминал, что временно доверит управление Цинчжоу Чжоу Хэланю, выражая при этом глубокое восхищение его способностями.

Ань Чанцин ответил ему, что талант Чжоу Хэланя не ограничивается одной лишь торговлей, и если он окажется полезен, стоит привлечь его к постоянной службе... Описав затем положение дел в Яньчжоу и покончив с официальными вопросами, он перешел к вестям из дома.

Посомневавшись, Ань Чанцин так и не признался, что, возможно, вынашивает двойню. Когда ожидался лишь один ребенок, Сяо Чжигэ и без того сходил с ума от тревоги. Узнай он, что один превратился в двоих, мог бы бросить все важные дела и примчаться обратно.

Раньше Ань Чанцин и помыслить не мог, что великий Бэйчжань-ван способен поддаться чувствам в ущерб общему делу, но теперь не рисковал проверять. Он чуть заметно улыбнулся: пусть это станет приятным сюрпризом к триумфальному возвращению генерала.

Закончив письмо и передав его ожидающему воину, Ань Чанцин отправился осматривать доставленные драгоценности и сокровища.

Богатство семьи Ши превосходило любые слухи: даже половины уцелевших сокровищ хватило, чтобы забить до отказа передний и задний дворы поместья генерала. Кое-что даже пришлось оставить прямо у ворот. Лишь потому, что Яньчжоу являлся владением Сяо Чжигэ и никто не смел выказывать дурных намерений, добро так открыто лежало у входа.

Ань Чанцину потребовалось полмесяца, чтобы внести все ценности в опись. Глядя на итоговые цифры в книге, он ощущал, как горит в руках эта бумага. И ведь это были только изъятые наличные средства, не говоря уже об огромных землях, усадьбах и лавках семьи Ши... Неудивительно, что император Аньцин вечно жаловался на пустую казну — как ей не быть пустой, если все серебро утекало в карманы этих паразитов!

Однако богомол ловит цикаду, не ведая о синице позади — теперь все эти деньги принадлежали им.

Ныне Яньчжоу меньше всего нуждался в серебре. Необработанный нефрит пользовался оглушительным спросом на юге, и хотя Цинчжоу, Юнчжоу и Жуаньчжоу оказались охвачены войной, из остальных провинций доходы текли непрерывной рекой. Чжоу Хэлань, хоть и стоял во главе торговых дел, не узурпировал власть: отобранные им доверенные люди уже самостоятельно вели дела, не только развернувшись на юге, но и скрытно проникнув на земли Юйцзэ.

Государство Юйцзэ находилось далеко от Ецзина. Хотя торговля с ним формально была запрещена, власть Ецзина над провинциями ослабла до предела. Местные чиновники и военачальники погрязли в халатности и коррупции, так что за серебро готовы были открыть любые двери.

Благодаря одной лишь торговле необработанным нефритом Яньчжоу процветал, а теперь к этому прибавилось поистине сказочное богатство.

Ань Чанцин, не колеблясь, отправил все доставленное серебро и золото в казну Яньчжоу. Не испытывая нужды в средствах, он щедро выделял деньги на укрепление городских стен, прокладку каналов и разработку огненного оружия. В сочетании с указами, облегчавшими жизнь простого народа, жители Яньчжоу стали жить куда зажиточнее. Появились лишние деньги и время — и торговля расцвела с новой силой.

Слухи об изобилии и порядке в Яньчжоу быстро разнеслись через торговцев по соседним провинциям. Повсюду славилась имена Бэйчжань-вана и ванфэй, но главное — в Яньчжоу непрерывным потоком потянулись обездоленные скитальцы. Ань Чанцин никому не отказывал: велел регистрировать беженцев и приютил всех. В результате Яньчжоу расцветал и бурлил жизнью все сильнее.

Соседний Лянчжоу хотя и получал свою долю от общего процветания, но, глядя на богатство Яньчжоу, Чан Цзайчан всё же порой исходил завистью. Яньчжоу и Лянчжоу поддерживали друг друга и были связаны одним выгодно ведущимся делом. К тому же, когда придет время поднять восстание, поддержка Чан Цзайчана и Лянчжоу окажется незаменимой, поэтому Сяо Чжигэ ничего от него не тайл и даже отправил ему партию вновь разработанного огненного оружия.

Чан Цзайчан выпускать из рук не хотел новое оружие, пестуя его точно сокровище. Едва услышав, что идея создания этого огненного оружия принадлежала Ань Чанцину, он и вовсе сварился в котле зависти.

Втайне он страшно завидовал удаче своего названного брата.

Прежде Чан Цзайчану казалось, что женитьба Сяо Чжигэ на мужчине, да еще и побочном сыне, не принесет никакой пользы, а в будущем, если тот решит бороться за императорский престол, и вовсе вызовет лишь суждения и пересуды. Но теперь, видя процветание Яньчжоу и держа в руках чудесное оружие, он искренне уверовал: даже самая могущественная родня со стороны жены не сравнилась бы с помощью Бэйчжань-ванфэй.

Какое бы ни было время, самым важным всегда оставалась военная сила. Сяо Чжигэ держал в руках огромную армию, а теперь заполучил и это сокрушительное огненное оружие. Если бы не опасение перед дурной славой, он хоть сейчас мог бы двинуться на Ецзин — и никто бы не смог его остановить.

Чан Цзайчан вальяжно покачал головой и с радостным предвкушением отправился испытывать свое огненное копье.

Автор хочет сказать:

Сонсон: «Давление от воспитания детей x2, похоже, придется конфисковать имущество еще у пары семейств...» (точит нож.jpg)

Богачи Юнчжоу: «Ы-ы-ы QAQ»

Когда Сяо Чжигэ получил ответное письмо из Яньчжоу, он уже прибыл в Юнчжоу. С наступлением одиннадцатого месяца становилось все холоднее, и хотя Юнчжоу находился на юге, жители здесь тоже облачились в подбитые ватой одежды.

Сидя верхом на коне, Сяо Чжигэ смотрел вдаль, на север. В это время в Яньчжоу уже должен был пойти снег.

Ворота Юнчжоу медленно распахнулись, и глухой скрип вернул его к реальности. За спиной Сяо Чжигэ стояла двадцатитысячная армия Яньчжоу, а сам он хладнокровным взором смотрел на вышедшего навстречу Кан Хуна.

Генерал проявленной доблести Кан Хун входил в число двенадцати генералов империи, являлся прямым подчиненным Сюэ Ци и преданным приверженцем третьего принца. Ему было

чуть за тридцать, он обладал высоким и крепким телосложением, смуглой и огрубевшей кожей — сразу видно, человек военного дела. В отличие от Цзою, избалованного паразита, выбившегося наверх за счет покровителей, Кан Хун действительно обладал настоящими способностями.

Однако положение в Юнчжоу оказалось едва ли лучше, чем в Цинчжоу: беженцы устроили мятеж, знатные дома были разгромлены, а бунтовщики даже прорвали линию обороны Яньчжоу и дошли до самой провинции Жуаньчжоу.

<http://bllate.org/book/18381/1767861>